

Владимир Дашкевич: я — дворянин арбатских дворов

КоммерсантЪ-daily. — 1997. — 2 авг. — с. 9

В 30-е годы, несмотря на ужасающую неизвестность, жизнь в московских семьях не остановилась. Правда, она постепенно свелась к понятию, которого нет ни в одном другом языке, кроме русского, — быт. Тем не менее в арбатских дворах читали стихи «ненадежных» поэтов и пытались сохранить старомосковский язык. Именно эти метаморфозы запомнились пятилетнему мальчику — будущему композитору **ВЛАДИМИРУ ДАШКЕВИЧУ**.

Я — выходец из семьи совслужащих, как тогда говорили. Мой отец — дворянин, военный историк Сергей Леонидович Дашкевич, сын предводителя дворянства Тамбовской губернии Леонида Вячеславовича Дашкевича. Отец был необыкновенно ярким человеком, знал пять языков, получил блестящее образование, был настоящим русским интеллигентом. Преподавал он военную историю в Генштабе. В годы революции он порвал со своей семьей и, как тогда считалось, стал сочувствующим. Моя мама Анна Ильинична Шнеерсон происходит из большой еврейской семьи. Она всю жизнь работала машинисткой.

Жили мы достаточно небогато, в одной комнате большой коммунальной квартиры на Кропоткинской улице (сейчас это Пречистенка) в доме Дениса Давыдова, напротив городской пожарной охраны. Кроме нашей в квартире проживало еще девять семей. Там я и родился. Точнее, в знаменитом родильном доме Грауэрмана, где родился и Окунджава, и другие замечательные люди. В семье я был не первый ребенок. Первой была девочка. Но когда ей было два года, с ней произошло несчастье: нянька обварила ее кипятком, и она умерла. Может быть, из-за этого несчастья родился я.

Когда мне было 4 года, отца исключили из партии и арестовали. Он просидел 17 лет и вышел только в 1955 году. После его ареста мы жили очень тяжело. Отец был основным кормильцем, и пока он был с нами, мы по тем временам жили неплохо. А с 38-го мать тянула на себе семью одна.

Рядом с нами на Арбате, в доме напротив театра Вахтангова жила моя бабушка, мамина мама. Это был дом, где располагался зоомагазин, о котором писал Булат Окуджава. У бабушки было девять детей. Это была большая семья, и почти каждый вечер мы собирались там. Они тоже жили в большой

Владимир Дашкевич: «Мое детство прошло в арбатских переулках»

коммунальной комнате. Так что фактически вся территория от Остоженки до арбатских дворов — это территория моего детства. Поэтому я тоже ощущаю себя дворянином — арбатских дворов.

Родители познакомились за 10 лет до моего рождения. Они жили гражданским браком, а расписались только в 60-м. Тогда институт брака мало волновал людей. Он был очень прост — ничего не стоило развестись. Поэтому гражданский брак стал очень распространенным явлением в те годы. Кстати, может быть, именно это спасло маму от ареста...

Соседи по коммуналке у нас были самые разные. С нами жила профессорская семья — Нина Петровна Савостьянова с мужем-профессором и дочерью. С другой стороны, жила Полина Семе-

новна, которая была торговкой. Публика была самая разная, и однородной культурной среды не было. Поэтому я с легкостью всегда воспринимал любую интонацию — и крестьянскую, и аристократическую, и пролетарскую.

В детстве у нас была такая игра — мы бросали монетку и шли по ней проходными дворами. Обходили все Садовое кольцо. Так, проходными дворами, Москву можно было обойти во все стороны и направления. Проходных дворов было много, и мы их знали очень хорошо. А в конце войны и сразу после нее, когда началась борьба с уголовниками, их почти все закрыли. Это, конечно, очень жалко, поскольку пока дворы не были такими автономными, люди между собой были связаны крепче. А

когда их закрыли, в жизнь вошел принцип: ты в наш двор не ходи, в этом дворе ты чужой. А в 30-е годы дворы были еще открытые, и соседи очень часто собирались вместе. Вообще, московский двор был очень сложным социокультурным явлением тогда — в нем сочетались и уголовщина, и романтика, и культурная жизнь. Все допоздна могли вместе слушать радио, разговаривать, играть в разные игры. Было ощущение, что жизнь большой группы людей касалась каждого.

В 30-е годы материальная жизнь была еще довольно простой. Были доступные товары, работали рестораны. Родители ходили в театры, иногда в рестораны. Но их в основном посещали люди из другой среды — либо актеры, либо высшие чиновники. У других слоев на рестораны денег не хватало, они были страшно дорогие. На наших улицах — Кропоткинской, Волхонке, Остоженке — никаких ресторанов не было. Это было место музеев — Пушкинский, музей Толстого, Дом ученых, Поливановская гимназия. Там учился отец и первый русский чемпион мира по шахматам Алехин.

Так что мое представление о красоте, об архитектуре связано с Пречистенкой. В 1937-м там построили станцию метро. Она была такая красивая, что все ходили туда просто гулять, просто любоваться ею. Я до сих пор считаю, что это одна из красивейших станций метро в мире.

Но вообще жизнь у моих родителей, конечно, была многотрудная. Родители у меня были истерзаны жизнью и временем. Мама работала с утра до ночи, дома бывала редко, я был предоставлен сам себе. Собирались мы в моем раннем детстве только у бабушки. Мама была совершенно обычной хозяйкой, каких сотни. А какой могла быть хозяйка, когда на коммунальной кухне сталкивались десятки людей? Поэтому мы привыкли не придавать значения быту. Он был функциональный, неприязнательный и лишенный каких-то эстетических сторон. Вот в доме сестры отца были вещи, оставшиеся от дворянских времен. Она тоже жила в коммуналке, но рангом «почище» — комната у нее была большая и в квартире было мало соседей. А по тем временам это было очень существенно.

Настроение у людей в 30-х годах было еще довольно неплохим. Страх накапливался постепенно. К 1937–1938 годам, когда аресты охватили почти все семьи, стал основным чувством. Но я

бы не сказал, что арест отца вызвал в нашей семье отчужденность. От нас никто не отвернулся и не отдалился — ни родственники, ни соседи. Хотя отца посадили по доносу одного из соседей. Отцу показывали этот донос — на то, что он дворянин, ненадежный человек. Этого тогда было достаточно. Но мы сохранили связь с отцом.

По отношению к власти ни у кого из нас не было никаких заблуждений. Партийная диктатура слишком быстро выстроила свою машину, которая постепенно перебила всех либерально настроенных людей — начиная от крестьян, заканчивая технической интеллигенцией и армией. Эта волна не могла не охватить моего отца. И когда он вернулся из ссылки, то не стал восстанавливаться в партии.

Записала ИРИНА ШКАРНИКОВА

В этом доме в 30-е годы жила семья Дашкевича